

Оморова Наргиза Ильичбековна

МОДЕЛИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ ДИАСПОР В ТАТАРСТАНЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/8/11.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (51). С. 35-37. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

количественного, в которой изменяется качество... так что измененное количественное отношение превращается в некоторую меру и тем самым в новое качество». Появившаяся качественная определенность образует новую количественную определенность и между ними устанавливается новая мера.

Метод, использованный Гегелем при анализе изменения, получил название диалектического метода. Он позволил Гегелю уточнить значения понятий возникновения и становления. Он значительно расширил интенциональное содержание понятия становления, используя его для описания изменения объекта как целого. Становление не является видом изменения. Само изменение производно от становления. Возникновение и уничтожение не характеризуют процесс изменения, они являются тенденциями развития данного объекта как целого. В итоге, система понятий, представляющих изменение, получает довольно строгий вид. Трансформация представленной проблемы разделения состояния и сущности изменяющегося объекта непосредственно связана и с анализом знаменитых апорий движения, давших импульс к решению вопроса об отражении движения и изменения в логике понятий.

Список литературы

1. **Аристотель.** Сочинения: в 4-х т. М., 1978-1983.
2. **Гегель Г. В. Ф.** Философия истории: лекции по философии истории // Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14-ти т. / пер. с нем. М., 1929-1958. Т. 8.
3. **Кант И.** Сочинения: в 6-ти т. М., 1964-1966.
4. **Лейбниц Г. В.** Переписка с Кларком // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4-х т. М., 1982-1984. Т. 1. 441 с.

УДК 316.347(470.41)

Наргиза Ильичбековна Оморова
Казанский государственный энергетический университет

МОДЕЛИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ ДИАСПОР В ТАТАРСТАНЕ[©]

Центрально-азиатские диаспоры Татарстана характеризуются устойчивой этнической идентичностью и стремлением к ее сохранению, что, в свою очередь, обуславливается традиционной природой их культуры. Однако, в социокультурной среде Татарстана данные диаспоры проявляют себя по-разному, выбирая различные стратегии идентификации.

Авторитетный исследователь межэтнического взаимодействия, немецкий ученый К. Додд выделил четыре основные модели адаптации этнической группы в иноэтнической среде. Первая модель поведения называется «*Fligt*», что обозначает «бегство, пассивность». В целом эта модель поведения очень близка к геттоизации. Вторая модель - «*Fight*» («борьба, агрессивность»), свидетельствующая об этноцентризме членов диаспоры. Третья модель - «*Filter*» («отделение, или фильтрация») связывается с процессами межкультурной коммуникации и интеграции диаспор в местную социокультурную среду. Она проявляется как разнонаправленная стратегия: полный отказ от новой культуры и твердая приверженность своей культуре; полное восприятие новой культуры и отказ от прежней. Четвертая модель - «*Flex*» («гибкость, флексибельность») - это полная адаптация. Мигрант осознает необходимость принятия нового кода культуры - языка, жестов, норм, привычек; нового этнического фрейма. Иначе говоря, человек адаптируется в новой среде, следует ее установкам, нормам, но при этом не отказывается от старого, сохраняет для себя ценность прошлого и при случае может вернуться к прежнему образу жизни.

Для анализа центрально-азиатских диаспор в Татарстане в соответствии с предложенной К. Доддом типологией стратегий адаптации, автором было проведено эмпирическое междисциплинарное исследование. Так, в мае-июне 2011 года методом стандартизированного интервью было опрошено 165 членов казахской, киргизской, узбекской, таджикской и туркменской диаспор.

Согласно результатам исследования, для большинства членов центрально-азиатских диаспор характерна устойчивость этнонациональной идентичности. При этом значимость идентичности в центрально-азиатских диаспорах проявляется неодинаково. Например, для киргизской и таджикской диаспор их этническая идентичность оказывается более значимой, чем для казахской диаспоры. Также было выявлено, что для узбекской и туркменской диаспор их этнонациональная принадлежность значима в меньшей степени, чем для киргизской и таджикской диаспор (Табл. 1).

Табл. 1. *Значимость этнонациональной принадлежности (%)*

Варианты	Очень значима	Значима	Малозначима	Совсем не значима
Диаспоры				
Казахская	16,2	27	35,1	13,5
Кыргызская	66	30	-	-
Узбекская	38	40	20	-
Таджикская	40	52,5	2,5	2,5
Туркменская	35	40	15	-

Данное положение подтверждается результатами опроса членов центрально-азиатских диаспор о том, как часто в повседневной жизни они соотносят свои действия и поступки со своими национальными традициями и обычаями (Табл. 2). Таджики, узбеки и кыргызы оказались наиболее приверженными к собственным национальным традициям в своей повседневной жизни. У казахской диаспоры был выявлен большой разброс в ответах на данный вопрос, для них же характерно наибольший процент среди прочих диаспор тех, кто вовсе не исполняет национальные традиции.

Табл. 2. *Соотношение действий в различных жизненных ситуациях с национальными традициями (%)*

Варианты	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет
Диаспоры				
Казахская	10,8	37,8	29,7	13,5
Кыргызская	24	36	18	12
Узбекская	28	57	12	2
Таджикская	37,5	40	5	5
Туркменская	5	55	30	-

Члены центрально-азиатских диаспор в своем повседневном общении сталкиваются с людьми различных этничностей и культур, проявляя, таким образом, хорошие навыки межкультурного взаимодействия. Межкультурной компетентностью в значительной мере обусловлена успешность адаптации диаспор. Среди наиболее близких друзей, члены центрально-азиатских диаспор назвали не только представителей своих «земляков», но также русских и татар. Так, 83,7% казахов, 66% узбеков, 60% кыргызов, 50% таджиков и 45% туркмен в качестве лучших друзей называют татар. Много друзей среди русских у представителей казахской (81%), кыргызской (54%), туркменской (35%) и узбекской (34%) диаспор. Наиболее приверженными к собственной этнической идентичности вновь оказались узбеки, таджики и туркмены. Так, 100% членов узбекской, таджикской и туркменской диаспоры ответили, что предпочитают дружить, прежде всего, с представителями своих национальностей. Процентное подтверждение данного положения очень высоко. Однако если в число лучших друзей членов узбекской и туркменской диаспор вошли как русские, так и татары, то представители таджикской диаспоры предпочитают дружить с более похожими на них узбеками (60%) и татарами (50%). При этом среди большинства таджиков, проживающих в Татарстане, равно как и среди большинства представителей прочих центрально-азиатских диаспор, нет предубеждений в отношении других этносов и культур. Так, большинство членов центрально-азиатских диаспор, а конкретно 42,5% членов таджикской диаспоры, 42% - кыргызской, 40% - туркменской, 32% - узбекской и 21,6% - казахской диаспор ответили, что этносов и народов, неприятных им, не существует.

Ощущения «чуждости» - не «чуждости» также существенно влияют на результат этнической идентификации диаспор. Чем выше у этнофора ощущение «чуждости» иноэтничному окружению, тем выше вероятность появления у него черт негативной этнической идентичности: от стремления к самоизоляции до открытого проявления своей конфликтности. Однако центрально-азиатские диаспоры не ощущают себя «чужими» в Татарстане. Так, на вопрос «Ощущаете ли Вы себя чужими?» 82,5% таджиков, 78,3% казахов, 72% кыргызов, 60% узбеков ответили «нет». Наиболее комфортно чувствуют себя казахи и таджики; 25% туркмен, напротив, ответили, что ощущают свою чуждость всегда, еще 10% - иногда. В целом благодаря общности исторических и языковых корней, схожести культур, единой религии и общего исторического прошлого, члены исследуемых диаспор в условиях Татарстана не воспринимают себя как «чужих». Это во многом объясняется тем, что по мнению членов центрально-азиатских диаспор, межэтнические отношения в Татарстане складываются по позитивному пути и, в общем, оцениваются ими как благоприятные. Большинство интервьюированных охарактеризовали отношения между народами в РТ как «добрососедские». Так ответили 54% казахской, 40% таджикской, 38% узбекской, 36% кыргызской и 20% туркменской диаспоры. Еще 26% узбекской, 24,3% казахской, 24% кыргызской, 22,5% таджикской, и 15% туркменской диаспоры оценили межэтнические отношения в Татарстане как «терпимые». По данным исследования социокультурные и политические условия, наличие развитых межкультурных коммуникаций в Татарстане обеспечивают благоприятное проживание представителей центрально-азиатских диаспор в республике. Среди причин своего переезда в Татарстан 73,5% респондентов выделяют удовлетворенность проводимой здесь национальной политикой.

Учитывая представленные результаты исследования, по мнению автора, центрально-азиатские диаспоры в социокультурных условиях Татарстана адаптируются по двум основным моделям - «Filter» и «Flex». К модели «Filter», прежде всего, относится туркменская диаспора. К модели «Flex» относится казахская диаспора. Таджикская, узбекская и кыргызская диаспоры, в свою очередь, следуют промежуточной между «фильтрацией» и «гибкостью» стратегии поведения с уклоном в ту или иную сторону (Схема 1).

Схема 1. Модели социокультурной адаптации центрально-азиатских диаспор в Татарстане

Filter				Flex	
Туркмены	Таджики	Узбеки	Кыргызы	Казахи	

Автор заключает, что независимо от выбранной модели, обе стратегии способствуют успешной адаптации центрально-азиатских диаспор в Татарстане. Гармоничные межэтнические отношения и успешная адаптация иноэтнических групп являются целью и результатом эффективной национальной политики любого полиэтничного государства.

Список литературы

1. Додд К. Динамика межкультурных коммуникаций // Социология культуры: современные зарубежные исследования. М., 1987. 152 с.

УДК 111(321.01)

Дмитрий Владимирович Подоксенов

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

СУВЕРЕННОСТЬ, СООБЩЕНИЕ И СМЫСЛ В РАБОТАХ Ж. БАТАЯ[©]

Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., мероприятие 1.2.2, ГК № П1168.

Понятие суверенности долгое время рассматривалось в связи с двумя сферами человеческого бытия: политикой и религией. С одной стороны, самостоятельность и независимость считали неотъемлемым атрибутом верховной власти; с другой - некоей чудесной сверхъестественной силой, только и позволяющей эту власть сохранять, удерживая людей в подчинении. Но должна ли сакральная сила принадлежать одному лишь правителю, суверену? Почему бы, оставив в стороне этимологию, не попробовать помыслить суверенность *вне рамок традиционной оппозиции господства и подчинения*? В данной статье мы попытаемся прояснить изначальную связь *сообщения* (можно было бы сказать, «*сообществования*») и *суверенности*, связь, тематизация которой является, на наш взгляд, необходимой как для социальной онтологии, так и для философии политики. Имея в виду указанную цель, мы обратимся к работам Жоржа Батая, мыслителя (позволим себе так его назвать), который впервые стал говорить о суверенности как об особой проблеме, не сводящейся к политико-юридическим рассуждениям о верховной власти.

На первой же странице книги, непосредственно посвящённой суверенности, Батай заявляет, что ею обладают все люди [5, с. 313], независимо от того, какое место в социальной иерархии они занимают. И всё же, как кажется, он нередко смешивает своё оригинальное представление о суверенном человеке, каковым может быть *любой человек*, с представлением об историческом суверене, царе. В этом случае Батай обычно говорит о славе, престиже, показной роскоши и трате, а также о том, что суверен воплощает в себе смысл и истину других людей [Там же, с. 344]. Это смешение можно объяснить тем, что Батай во многом следовал гегелевской концепции господина и раба, а точнее, её интерпретации, предложенной А. Кожевом.

Можно показать, что в рамках этой трактовки Батай, с одной стороны, радикализирует положение о том, что человек для пробуждения самосознания должен *освободиться от налично-данного*; с другой стороны, он отказывается видеть подлинное освобождение от этого налично-данного в труде, вследствие чего *отвергает фигуру раба* как человека труда. Выбирая между трудом (раб) и смертельным риском (господин), Батай становится на сторону последнего.

Батай согласен с тем, что «человек «удостоверяет» свою человечность только тогда, когда рискует своей (животной) жизнью ради удовлетворения своего человеческого Желания» [9, с. 15]. Сущность человека, по Кожеву, состоит в свободном, отрицающем заданности природного мира, творческом действии. Поскольку сам человек также является частью природы, наивысшим утверждением человечности стало бы тогда отрицание